

В.Н. Земцов
V.N. Zemtsov

**ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ О НАПОЛЕОНОВСКИХ
ВОЙНАХ В БРИТАНИИ: ПРАКТИКИ ОСМЫСЛЕНИЯ
НА РУБЕЖЕ XX–XXI вв.¹**

**HISTORICAL MEMORY OF THE NAPOLEONIC WARS
IN BRITAIN: COMPREHENSION PRACTICES
AT THE TURN OF THE XX–XXI CENTURIES**

Статья посвящена проблеме современного осмысления британцами практики исследования проблем исторической памяти об эпохе наполеоновских войн. Автор считает, что в центре внимания британских историков оказались два события – Трафальгар и Ватерлоо, сыгравшие наиболее значимую роль в формировании единства нации и ставшие опорными точками в процессе самоидентификации британцев. Хотя на рубеже XX–XXI вв. британская традиция органично вписывалась в общемировой транснациональный тренд, ориентированный на создание общеевропейского пространства памяти, к 2015 г. общий настрой работ начал меняться в сторону изучения особенностей национально обусловленных традиций и подходов.

The article is devoted to the problem of modern understanding by the British of the practice of studying the problems of historical memory about the era of the Napoleonic Wars. The author believes that the focus of British historians was on two events – Trafalgar and Waterloo, which played the most significant role in shaping the unity of the nation and became reference points in the process of self-identification of the British. Although at the turn of the XX – XXI centuries the British tradition was organically integrated into the global transnational trend aimed at creating a pan-European space of memory, by 2015 the general mood of the works began to change in the direction of studying the features of nationally determined traditions and approaches.

Ключевые слова: Наполеоновские войны, британская историческая память, изучение исторической памяти.

Keywords: the Napoleonic Wars, British historical memory, the study of historical memory.

Эпоха наполеоновских войн сыграла в судьбах Британии XIX и даже XX в. ключевую роль. Поэтому не случайно, что историки Британских островов, а также их североамериканские коллеги, предпринимают значительные усилия, дабы отрефлексировать особенности процесса изучения и восприятия этой эпохи. Причем, в своих попытках они концентрируют внимание, главным образом, на памяти и манипуляциях с памятью в отношении двух событий – Трафальгаре и Ватерлоо². Правда, как и в случаях с исследованием проблем формирования памяти о наполеоновских войнах в других странах, традиция изучения подобных проблем имеет не очень глубокую историю.

Представляется, что первым серьезным импульсом к изучению образов эпохи Наполеона применительно к актуальным вопросам XX в. для англоговорящего мира стала работа голландского профессора П. Гейла, вышедшая в 1949 г.³ Однако только ближе к концу XX в. эта проблематика оказалась всерьез востребованной. На рубеже 80–90-х гг. XX в. появляются первые работы, непосредственно связанные с изучением формирования и трансформации образов британской истории, как в искусстве и литературе, так и в организации различного рода публичных мероприятий⁴. Интересной была публикация Т.Р. Дэйла, посвященная тому, как В. Скотт создавал свою знаменитую 9-томную «Жизнь Наполеона Буонапарте»⁵, заложившую британскую традицию восприятия эпохи наполеоновских войн⁶. Отправной точкой для своих исследований авторы избирали время окончания наполеоновских войн, а образы, которые изучали, связывали с самой эпохой борьбы с Наполеоном.

Важным событием стал выход в свет книги Линды Колли, посвященной процессу формирования британской нации в период 1707–1837 гг.⁷ Значительное место Колли уделила роли в этом процессе событий наполеоновских войн, в том числе Трафальгара, но особенно, Ватерлоо, восприятие которого превратилось *post factum* в символ единения англичан, шотландцев, ирландцев и валлийцев в борьбе со страшной опасностью, исходившей для народов Британских островов с европейского континента.

В тот же период появляются два исследования, посвященные непосредственно эволюции памяти о Г. Нельсоне как победителе в сражении при Трафальгаре и памяти о полях сражений 1815 г. (Линьи, Катр-Бра и Ватерлоо), ставших памятником британским солдатам и их победам над неприятелем⁸.

Эти первые опыты конца 1980–1990-х гг. в англоязычной историографии получили дальнейшее развитие в первое десятилетие XXI в. Целая серия работ, посвященных различным аспектам памяти и политики памяти о Трафальгаре и его главному герою – Нельсону, вышла в юбилейном 2005 г. Среди этих публикаций особенно выделялась монография Мариан Чисник «Гораций Нельсон: неоднозначный герой» и сборник статей «Адмирал лорд Нельсон: контекст и наследие», изданный Дэвидом Кэннэдайном⁹. Наконец, в 2007 г. выходит наиболее впечатляющее собрание публикаций, которое подвело итоги обсуждаемой темы, развернувшейся в связи с 200-летием морской битвы¹⁰. Л. Йорданова (L. Jordanova), автор предисловия, выделила ключевые моменты проблемы: в чем причины актуальности для британцев 200-летия Трафальгара, каким образом формируется образ национального героя, какова роль историков в процессе меморализации того или иного исторического события или персонажа, как достигается конвенция между популярной культурой и исторической достоверностью, и т.д. Йорданова акцентировала внимание и на роли юбилейных дат, в ходе отмечания которых происходит взаимодействие проблем сегодняшнего дня с образами и фигурами прошлого. При этом, юбилеи, по ее мнению, в конечном итоге способствуют «исторической вакцинации» с целью вытеснения антигуманных начал из современного общества¹¹. Состав авторов был подчеркнуто интернациональным – наряду с британскими историками (К. Уайт, М. Динкольн и М. Даунт), был француз Б. Тэт, представивший статью о праздновании «франко-британского Трафальгара» в 1905 г., канадец Дж. М. МакКензи, а завершалось собрание статьей о «не-коммеморации» во Франции событий наполеоновской эпохи публикацией П. Хикса, британца, много лет работающего в «Фонде Наполеона» в Париже. Можно сказать, что сборник 2007 г., подводивший итоги празднования 200-летия Трафальгара, стал, как по характеру публикаций, так и по составу авторов, своего рода пиком транснационального тренда в восприятии не только англо-говорящим, но и в целом западным миром событий наполеоновской эпохи.

Нечто подобное наблюдалось в те годы и в разработке проблематики Ватерлоо. Наряду с работами, написанными в русле собственно военно-исторической тематики¹², было немало публикаций о воздействии памяти и образов сражения на культурное развитие западноевропейского мира XIX в. Так, Ф. Шоу посвятил свою работу образам Ватерлоо в литературе и искусстве эпохи Романтизма¹³, а публикация

Сьюзен Пирс, как и диссертация Элизы Милкс, касались общекультурного воздействия памяти о сражении на европейцев¹⁴. Тогда же выходит и классическая работа А. Форреста «Человек эпохи Наполеона», в которой автор заложил основы современного историко-антропологического подхода, отразив, помимо прочего, и условия формирования коммуникативной памяти об эпохе наполеоновских войн¹⁵.

Подлинный прорыв в изучении темы в британском и, в целом, англо-говорящем историческом сообществе произошел во втором десятилетии XXI в. Целый ряд публикаций и диссертационных исследований знаменовал собой важный поворот в изучении британскими и американскими историками особенностей памяти о событиях наполеоновских войн, причем в сопоставлении с традициями изучения немецкими и французскими исследователями¹⁶. Великолепной работой, выводящей на широкую проблематику взаимодействия политики, искусства и памяти о войнах в британском мире периода XVIII – середины XIX вв., в которой нашлось заметное место и изучению периода наполеоновских войн, стала книга Х. Хука, вышедшая в 2010 г.¹⁷

Замечательным образчиком взаимодействия национальных традиций применительно к сфере памяти о наполеоновских войнах стал сборник статей «Военные воспоминания: Революционные и Наполеоновские войны в современной европейской культуре»¹⁸. Авторы представленных публикаций выделили основные «разновидности» и источники первоначальной, коммуникативной, памяти – мемуары отдельных лиц, семейные воспоминания, память дискретных групп (скажем, солдат одного полка), наконец, «коллективную память», сконструированную разными институтами (как то, государством или церковью), и которая является частью «политики памяти». Важную роль авторы отвели воздействию последующих событий истории европейских народов на характер празднования памятных дат прошедших войн. В частности, они отметили, что именно юбилей Ватерлоо как нельзя лучше подходит для возвращения народов Европы к миролюбивым отношениям, поскольку, дескать, и для самих британцев вряд ли легко воспринимать подобное событие как победу из-за потерь, которые они понесли в сражении.

А. Форрест, открывая сборник, попытался проанализировать, какие именно сражения были приняты той или иной нацией для формирования своей идентичности. Так, Бородино стало центром внимания и одним из столпов национальной памяти русских, но не французов, Лейпциг – сыграл для немцев такую же роль, Аустерлиц должен был стать,

следуя логике, главным объектом памяти французов. Что же касается британцев, то это Трафальгар и Ватерлоо, поскольку эти сражения являлись собой не просто победу, но победу национального характера и морали, и демонстрировали факт того, что именно британская армия и ее генералы – лучшие. В этом, по мнению Форреста, и заключался ответ на вопрос, почему Ватерлоо стало «местом памяти» именно британцев, но не немцев, голландцев или бельгийцев.

В последующие годы – вплоть до наших дней – в центре внимания англоязычных авторов оказалось почти исключительно сражение при Ватерлоо и его 200-летний юбилей. Каролайн Пэрри провела анализ мероприятий и выставок в Британии в связи с этим юбилеем. Образ сражения, по ее мнению, в представлении британцев с неизбежностью значительно упростился до нескольких тезисов, а именно, что при Ватерлоо Наполеон был разгромлен, что это стало завершением наполеоновских войн, и что сделали это британцы во главе с их генералом герцогом Веллингтоном¹⁹.

Значительно более глубокое исследование, до известной степени, подводящее итоги не только многолетней работы автора, но и, в целом, британской историографии темы, было предложено А. Форрестом. В книге «Ватерлоо»²⁰ он обозначил и попытался разрешить большой комплекс проблем, начиная от обстоятельств появления в Британии первых известий о победе, социально-политической обстановки в стране, повлиявшей не только на восприятие новостей о результатах сражения, но и на действия официального Лондона по их закреплению в национальном сознании как события величайшего масштаба, и заканчивая практикой формирования образов битвы и ее героев в искусстве и в практике туристического бизнеса. Британскому варианту памяти о Ватерлоо, ставшему одной из центральных опорных точек процесса национальной самоидентификации, Форрест противопоставил восприятие сражения французами, постепенно превратившими память о нем в «славное поражение», немцами, на долгие годы отодвинувшими его, по сравнению с Лейпцигом, на периферию национальной памяти, а также голландцами и бельгийцами, чья память во многом оказалась «разбита» распадом Объединенного королевства Нидерландов в 1830 г.

Примечательно, что в связи с 200-летним юбилеем Ватерлоо все еще находилось место сотрудничеству европейских историков и музейщиков в совместных поисках общих основ памяти о Ватерлоо. В 2016 г., по результатам предыдущего юбилейного года, удалось издать

представительный сборник, значительная часть статей которого была посвящена традициям национальной памяти, в том числе применительно к сражениям наполеоновской эпохи, в особенности Лейпцигу и Ватерлоо²¹.

Тем не менее, в представительном международном семинаре, организованном, прежде всего, при участии парижского «Фонда Наполеона», участие британских историков оказалось почти незаметным²².

В последующие годы выразителем транснационального подхода к проблемам памяти о Ватерлоо выступил американский автор Т. Фицпатрик. В своей работе, вышедшей в 2019 г.²³, он попытался, заняв позицию своего рода наднационального наблюдателя и «третьей стороны», показать непростые поиски британцами взвешенного взгляда на сражение (в плане соотношения вклада британцев, немцев и голландцев в общую победу), сложный путь французской памяти к восприятию Ватерлоо как «героического поражения», а также метаморфозы немецкого восприятия битвы. Автор попытался и перекинуть мостик к современной массовой культуре, остановившись на роли военно-исторической реконструкции в сохранении памяти о битве в сознании рядовых европейцев и даже американцев.

Таким образом, британская и связанная с ней североамериканская традиции изучения памяти и политики памяти в отношении эпохи наполеоновских войн стали формироваться относительно недавно – ближе к концу XX в. Интерес к подобной тематике диктовался необходимостью рефлексии для британцев коммеморативных практик применительно к военным событиям не только XX, но и XIX в., события которого были связаны с эпохой наибольшего процветания Соединенного королевства. В центре внимания британских историков оказались два события – Трафальгар и Ватерлоо, сыгравшие наиболее значимую роль в формировании единства нации и ставшие опорными точками в процессе самоидентификации британцев. Несмотря на относительно позднее появление интереса к подобной тематике, британская историческая наука прошла определенный путь – от преимущественного внимания к историко-культурным аспектам проблемы до всестороннего охвата тематики исторической памяти. Более того, на рубеже XX–XXI вв. британская традиция органично вписывалась в общемировой транснациональный тренд, ориентированный на создание общеевропейского пространства памяти. Наиболее зримо это стало видно на примере 200-летнего юбилея Трафальгара. Однако

к 2015 г., ко времени 200-летнего юбилея Ватерлоо, общий настрой работ британских авторов начал меняться в сторону изучения особенностей национально обусловленных традиций и подходов. Вместе с тем, в академической среде сохраняется стремление отдельных авторов не ограничиваться исследованием исключительно британской специфики коммеморативных практик, но продолжать традицию широкого, транснационального и транскультурного восприятия памяти об эпохе наполеоновских войн.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 20-18-00113.

² Разумеется, это вовсе не означает, что англоязычные авторы не решаются в ряде случаев обращаться к проблемам памяти и в отношении иных сюжетов наполеоновских войн. Так, в 2012 г. канадские историки осуществили интересный проект, связанный с особенностями воздействия романа Л.Н. Толстого «Война и мир» на мировую культуру: *Tolstoy on War: Narrative Art and Historical Truth in "War and Peace"* / Ed. by Rick McPeak, Donna Tussing Orwin. N.Y., 2012.

³ *Geyl P. Napoleon: For and Against*. L., 1949.

⁴ *Hichberger J.W.M. Images of the Army: The Military in British Art, 1815–1914*. Manchester, 1988; *Meyrly S.H. British Military Spectacle: From the Napoleonic Wars Through the Crimea*. Cambridge, Mass., 1996; *Pock J. War, the Army and Victorian Literature*. N.Y., 1998; etc.

⁵ *Scott W. Vie de Napoléon Buonaparte*. Bruxelles, 1827. Т. 1–9.

⁶ *Dale T.R. The Shaping of History: Scott's Life of Napoleon Buonaparte* // *Scott in Cornwall: Selected Papers from the Forth International Scott Conference* / Ed. by J.H. Alexander and David Hewitt. Aberdeen, 1994.

⁷ *Colly L. Britons: Forging the Nation, 1707–1837*. New Haven, 1992.

⁸ *White C. The Immortal Memory: the development of the Nelson Legend from 1805 to the present* // *The Nelson Companion* / Ed. by C. White. Stroud, 1995. P. 1–31; *Uffindell A., Corum M. On the Field of Glory: the Battle fields of the 1815 Campaign*. L., 1996.

⁹ *Czisznik M. Horatio Nelson: A controversial Hero*. L., 2005; *Admiral Lord Nelson: Context and Legacy* / Ed. by D. Cannadine. Basingstoke, 2005; *Wilson K. How Nelson became a Hero* // *The Historian*. 2005. № 87. P. 6–17; etc.

¹⁰ *History, Commemoration, and National Preoccupation: Trafalgar 1805–2005* / Ed. by H. Hoock. Oxford, 2007.

¹¹ *Ibid.* P. 9–15.

¹² Наиболее значимой работой в этом плане было исследование Э. Робертса: *Roberts A. Waterloo: Napoleon's Last Gamble*. L., 2006.

¹³ *Shaw Ph. Waterloo and the Romantic Imagination*. Basingstoke, 2002.

¹⁴ *Pearce S.* The material of War: Waterloo and its Culture // *Conflicting visions: War and Visual Culture in Britain and France, 1799–1830* / Ed. by J. Bonehill, J. Quilley. Guildford, 2005; *Milkes E.B.* A Battle's Legacy Waterloo in Nineteenth-century Britain. Thesis (Ph.D). Yale Univ., 2002, 2003.

¹⁵ *Forrest A.* Napoleon's Men: the Soldiers of the Revolution and Empire. L., 2002.

¹⁶ *Teble J.* Revision and "Rebirth": Commemoration of the Battle of Nations in Leipzig // *German Studies Review*. 2010. № 33. P. 618–640; *Pryor K.* The Mobilization of Memory: the Battle of Waterloo in German and British Memory, 1815–1915. Thesis (M. A.). South Illinois Univ. Carbondale, 2010; *Dwyer Ph.G.* Public Remembering, Private Reminiscing: French Military Memoirs and the Revolutionary and Napoleonic Wars // *French Historical Studies*. 2010. № 33; *Hicks P.* Late 18th-century and very early 19th-century British writing on Napoleon: Myth and History // *Napoleonica. La Revue*. 3/2010 (№ 9). P. 105–117; *Field A.* Waterloo: the French Perspective. Barnsley, 2012; *Heinzen J.* Transnational Affinities and Invented Traditions: the Napoleonic Wars in British and Hanoverian Memory // *The English Historical Review*. Vol. 127. № 529 (Dec. 2012). P. 1404–1434; etc.

¹⁷ *Hooock H.* Empires of the Imagination, Politics, War, and the Arts in the British World, 1750–1850. L., 2010.

¹⁸ *War Memories: The Revolutionary and Napoleonic Wars in Modern European Culture* / Ed. by A. Forrest, É. François, K. Hagemann. Basingstoke, 2012.

¹⁹ *Parry C.* Battle lines: Museums and Heritage sites are trying to raise awareness of the Battle of Waterloo in its bicentenary year // *Museum Journal*. 115:6 (June 2015). P. 20–25.

²⁰ *Forrest A.* Waterloo. Oxford, 2015

²¹ *War, Demobilization and Memory: The Legacy of War in the Era of Atlantic Revolution*. Basingstoke, 2016.

²² *La bataille de Waterloo: Simbol de Victoire, de défaite et lieu de mémoire. The Battle of Waterloo: Simbol of Victory, of Defeat and Place of Memory. The Conference proceeding for the International Study Days held in March 2015 at St. John's International School, Waterloo/* Ed. by P. Hicks. Waterloo, 2015. Британца П. Хикса, участвовавшего в подготовке и проведении семинара, в большей степени следует ассоциировать с французской исторической наукой, а Джаспер Хайнцен, преподаватель Йоркского университета, оказался поглощен в основном проблемами немецкой, нежели британской исторической памяти о Ватерлоо.

²³ *Fitzpatrick T.* The Long Shadow of Waterloo. Myths, Memories and Debates. Oxford, 2019.